

Часть I

Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает Рок.

Ломоносов, 1752.

Глава первая Перебежчик

Была полуденная тишина. Южное августовское солнце стояло высоко.

Свободные от нарядов бойцы спали в прохладных спальнях, другие занимались в тени деревьев с собаками, разбирали и чистили оружие, проходили теоретический курс стрельбы. Шла обычная, будничная жизнь заставы.

В кабинете начальника инспектор Министерства государственной безопасности майор Комаров ознакомился с работой заставы.

Самая значительная часть нарушений падает на перебежчиков из-за кордона.

Работа органов государственной безопасности здесь, на границе, очень сложна. О каждом перебежчике из-за границы надо навести справки, проверить его показания, жалкие документы, обрывки бумажек, с которыми люди часто перебираются через границу. Все это надо сделать в невероятно трудных условиях, когда источники справок и необходимых сведений находятся за границей, и сделать это надо в кратчайший срок.

Вот и сейчас на этой маленькой заставе оказалось семь человек, задержанных при переходе границы. Их отправляют сегодня в районный центр. Впрочем, один находится здесь уже почти двадцать дней.

— В чем дело, товарищ Никитин? — отрывая глаза от ведомости и подымая круглую бритую голову, спрашивает майор. — Почему Кардан так долго задерживается у вас?

— А это один из неудачников, товарищ майор, — ответил Никитин. — Его подстрелили, когда он собирался переплыть речку. Все-таки он нашел в себе силы, чтобы добраться почти до самого нашего берега, но метрах в трех от него начал тонуть. Подоспели наши бойцы. Степанов бросился в воду и вытащил его уже почти без памяти.

— Так... — проговорил Комаров. — Рана была серьезная?

— Нет, не очень. В бедро. Но крови потерял много. Бойцы перевязали его и сейчас же доставили сюда. Наш врач немедленно переправил его в совхозную больницу: надо было извлечь пулю.

— Какая пуля?

— Винтовки Сандерса.

— Как он себя чувствует сейчас?

— Оправился. Три дня назад его выписали из больницы. А первые дни был в тяжелом состоянии. Нервы, должно быть, не выдержали. То смеялся, то плакал, умолял не выдавать его.

— Сведения о нем передали районному управлению?

— Передал на другой день после задержания. Кардан бежал из концентрационного лагеря под Котолани. Районное управление довольно быстро проверило его показания, пока он был еще в больнице. В котоланской газете помещены объявления коменданта лагеря о бегстве Кардана, его портрет, приметы и обещание награды за его поимку. Приметы сходятся. Районное управление предложило мне направить Кардана в его распоряжение. По-русски Кардан не понимает, но хорошо знает французский язык.

— Так, так... — задумчиво сказал Комаров, потирая чисто выбранный подбородок. — Ну, давайте посмотрим задержанных.

— С кого желаете начать?

— Да по порядку... Кто у вас первый? — Комаров посмотрел в список. — Корнелиус? Ну, давайте Корнелиуса.

Старший лейтенант протянул руку к аппарату, стоявшему на столе, и нажал кнопку. Серебристый экран аппарата засветился, и тотчас же на нем появилась высокая комната с опущенными на

окнах шторами. В углу стояла койка, возле нее стол и стул. На столе — раскрытая книга, графин с водой, стакан, письменный прибор. На койке спал человек, повернувшись лицом к стене.

— Ну, с Корнелиусом придется отложить знакомство, — заметил майор.

— Отсыпается, — усмехнулся старший лейтенант. — Первые два-три дня они всегда спят без просыпу. Следующий по списку, кажется, Ганецкий?

— Да, давайте Ганецкого.

В такой же комнате, как и предыдущая, Ганецкий — маленький истощенный человек с грустными глазами и длинными, печально опущенными усами — озабоченно рассматривал у окна свой разбитый сапог, стараясь подвязать бечевкой отвалившуюся подметку.

— Гм... Да... Задача нелегкая, — проговорил Комаров. — Вы бы ему, товарищ Никитин, выдали сапоги из специального фонда. Ну, давайте дальше.

В следующих комнатах кто читал, кто беспокойно ходил из угла в угол, кто писал.

Кардан, коренастый человек со смуглым, худым лицом, тонким горбатым носом и густыми черными усами, стоял спиной к окну и внимательно рассматривал в небольшое зеркальце какое-то пятнышко на подбородке, прилаживаясь и так и этак, вертя перед собой зеркальце в разные стороны. Потом вдруг улыбнулся, отложил зеркальце, опустил голову и начал медленно крутить ус, потом досадливо дернул его несколько раз книзу и прошелся по комнате. Остановился у стола под окном, задумчиво глядя вдаль. Постоял с минуту, повернулся и, ероша густые, нависающие надо лбом волосы, возобновил медленное хождение по комнате. Под волосами на лбу мелькнул небольшой розовый шрам.

Майор Комаров молча и внимательно наблюдал.

— Шрам на лбу указан в приметах? — спросил он, не отрывая глаз от экрана.

— Указан, товарищ майор, — ответил начальник заставы.

— Об усах что-нибудь сказано?

— Да. «Черные и густые».

— Больше ничего?

— Больше ничего. Да ведь усы вообще не примета. Сегодня есть, а завтра сбрил.

— Конечно, но поскольку они имеются...

Кардан подошел к стулу, сел, откинулся на спинку, свободно и непринужденно закинул ногу на ногу и протянул руку к столу за раскрытой книгой. Опустив голову, начал читать. Небольшая смуглая рука мягким, почти неуловимым движением длинных пальцев перевернула страницу. Кардан читал. Комаров не сводил с него внимательных, спокойных глаз. Снова мягко перевернута страница... В кабинете продолжается молчание.

Начальник заставы с легким нетерпением поглядывал то на майора, то на экран.

Не поворачивая головы, Комаров наконец тихо спросил:

— В показаниях профессия указана?

— Указана, товарищ майор. Электрик-монтажник.

— Сколько лет работает?

— Двадцать лет, с восемнадцатилетнего возраста.

— Где работал последние годы?

Начальник заставы перелистал папку с бумагами.

— На заводе электрооборудования Фидера в Полтоне.

— Кем работал?

— Чернорабочим.

— Долго был чернорабочим?

— Два года восемь месяцев.

— Имеются подтверждения?

— Имеются.

— Какое образование получил?

— Низшая электротехническая школа в Траворе.

— Так...

Не поднимая головы, Кардан вынул из кармана куртки папиросу, закурил, затаился и с гримасой отвращения бросил папиросу на плоскую пепельницу.

— Какие папиросы курит Кардан? — неожиданно спросил майор, резко подавшись к экрану.

Начальник заставы растерянно взглянул на Комарова.

— Право, не знаю...

— Узнайте, пожалуйста.

— Есть, товарищ майор.

Начальник заставы нажал кнопку на столе. Через минуту в кабинет вошел боец, заведующий хозяйством.

— Вы снабжаете нарушителя Кардана папиросами?

— Я, товарищ старший лейтенант.

— Какими?

— «Весна», товарищ старший лейтенант.

— «Весна»? — вмешался Комаров. — Это, кажется, третьесортные папиросы? Вы всех задержанных снабжаете ими?

— Они получают папиросы и табак по личному выбору и вкусу, товарищ майор. Кардан пожелал простых папирос. Сказал, что к другим не привык.

— Ах, вот как! Ну, тогда понятно. Кстати, вы, кажется, сказали, что он говорит по-французски. Что, он жил во Франции?

— Да, он показал, что несколько лет работал там.

Начальник заставы отпустил бойца.

Комаров медленно встал и выключил экран телевизора.

Майор был высок и широкоплеч. Мощная, словно литая, шея, большая круглая, чисто выбритая голова. Бритое загорелое, несколько полное лицо с крупными чертами, крутой лоб, серые спокойные глаза под густыми, чуть рыжеватыми бровями. Плотные сжатые, красивого рисунка губы, тяжелый, почти квадратный, выбритый до лоска подбородок.

Заложив руки за спину, легким для своей плотной фигуры шагом Комаров прошелся по кабинету.

— Да... — проговорил он. — Интересный тип...

Старший лейтенант ничего не ответил, продолжая испытующе смотреть на Комарова. Он слишком хорошо знал этого известного в их профессиональных кругах «следопыта», чтобы не придавать значения даже простому его раздумью над чем-нибудь.

— А где мой лейтенант? — спросил майор. — Где Хинский?

— Еще не вернулся с объезда постов на линии. Рано утром уехал.

— Так... так...

Комаров подошел к столу, к телевизору, и вновь включил комнату Кардана.

— Все-таки курит... — заметил Комаров, внимательно глядя на экран и думая, по-видимому, о чем-то другом.

— Почему «все-таки», товарищ майор? — позволил себе спросить старший лейтенант.

Комаров поднял на него глаза.

— Почему «все-таки»? — медленно повторил он вопрос. — Он же не любит этих папирос. Они ему противны... Но если бы только папирсы... — раздумчиво, словно размышляя вслух, продолжал Комаров, играя карандашом. — Вы не заметили его манеры держаться, сидеть на стуле, перекладывать ногу на ногу? Свободные, легкие манеры... не угловатые манеры человека тяжелого физического труда. Два года восемь месяцев чернорабочим и три года тяжелых работ в концентрационном лагере! За это время любой профессиональный интеллигент огрубеет.

Брови старшего лейтенанта медленно поднимались.

— И это не все... — продолжал Комаров. — Как он читает? Вы обратили внимание? Книга не случайный, редкий гость в его руках. Он привык к ней, умеет обращаться с ней. Как бережно его пальцы перелистывают страницы! Привычно, легко, уверенно. Разве так читают люди с огрубевшими пальцами, с привычными к тяжелой работе руками?

В дверь постучали. Послышался молодой звонкий голос:

— Можно?

— Да, да... входите! — оживленно сказал Комаров.

В кабинет быстро вошел молодой лейтенант, высокий, стройный, загорелый, с живыми черными глазами под густыми, почти сросшимися на переносице бровями. Он принес с собой веселое молодое оживление.

Со сдержанной лаской в глазах и улыбке Комаров взглянул на него и спросил:

— Ну, как посты, Лев Маркович? Как погранлиния?

— Могу доложить, товарищ майор: работают отлично. Внимательность и четкость работы бойцов прекрасные. Как ни старался сбить, ничего не вышло. Вот только, — обратился Хинский к начальнику заставы, — на отрезке «Семи дубов» линия инфракрасных сторожей, кажется, у вас не совсем надежна. За маленьким бугорком не удалось скрытно проползти. Правда, ваша собака... кажется, Рекс... услышала... Я все же указал старшине...

— Ну и отлично, — сказал Комаров. — Садитесь, Лев Маркович.

Хинский сел, снял фуражку и вытер загорелый лоб.

— Фу! Устал чертовски! Солнце палит невозможно... А на самом солнцепеке, на лужке, — со смехом обратился он к Комарову, — какой-то чудака-старичок уселся и бреется. Зеркало шатается на пеньке, никак не держится, он его и так и сяк поправляет, устанавливает, а оно все валится. Старик ругается, отплевывается, лицо все в мыле... Мы со старшиной минут пять стояли, наблюдали с дороги, помирали со смеху. Кто это, товарищ старший лейтенант?

— А! — рассмеялся Никитин. — Это дедушка, пастух соседнего совхоза. Между прочим, человек образованный, правда по-старинному. Знает французский язык и постоянно пользуется нашей библиотекой. Он здесь каждый день бреется, как только загонит скот от жары в лес. Большой чудака, строгий старик. Держит себя очень респектабельно и выражается всегда высоким стилем.

Комаров и Хинский смеялись.

— Вероятно, большой чудака этот ваш пастух.

— Ну, ладно! Шут с ним, с этим чудаком, — заметил Комаров. — Давайте, товарищ Никитин, кончать. Сегодня нам с лейтенантом дальше ехать надо...

— Как же с Карданом? — спросил начальник заставы.

— Вот именно о Кардане-то и речь... — ответил Комаров. — Вы когда намерены отправить его в район?

— Сегодня, товарищ майор. В семнадцать часов, со всей партией.

— Так... Вот что, товарищ Никитин: пройдите сейчас с лейтенантом Хинским по коридору мимо комнаты Кардана, скажите лейтенанту громко, по-русски, что этот задержанный подозрителен и что сегодня в двадцать два часа вы его отдельно от партии отправите в район. Когда вернетесь сюда, продолжим знакомство с остальными нарушителями.

— Слушаю, товарищ майор.

Старший лейтенант и Хинский вышли. Комаров включил по телевизору комнату Кардана.

Кардан продолжал читать, но уже лежа на койке лицом к Комарову.

Комаров не отрывая глаз следил за ним.

Книга, очевидно, очень заинтересовала Кардана. Страницы равномерно и быстро переворачивались одна за другой. Прошло несколько минут. Вдруг брови дрогнули, глаза, расширившись, неподвижно остановились на какой-то строке, смуглое лицо Кардана стало медленно сереть. Он отложил книгу и закрыл глаза.

Солнце заливало комнату жарким светом.

Кардан открыл глаза, лениво повернул голову, посмотрел на окно, на поднятую кверху штору, словно борясь с желанием опустить ее. Потом медленно встал, потянулся, потрогал с болезненной гримасой кожу над губой. Взял зеркальце и, став спиной к окну, в ливень горячего солнечного света, опять начал вглядываться в отражение своего лица, пощупывая кожу на подбородке, гримасничая, поворачивая и наклоняя зеркало во все стороны. Наконец положил его на стол, прошелся несколько раз по комнате.

Вдруг солнечный зайчик сверкнул откуда-то в окно комнаты Кардана, стрельнул Комарову в глаза. Скользнул на потолок, исчез, вновь появился и опять исчез где-то над дверью. Так продолжалось минут десять. Изредка, поглаживая подбородок, Комаров внимательно наблюдал за мельканием зайчика. Кардан уже лежал на койке лицом кверху, бездумно, казалось, глядя на потолок над входной дверью, невидимой на экране, куда прыгали непрерывно зайчики из окна. Комаров встал, выключил экран и, заложив руки за спину, с опущенной головой, размеренными шагами начал ходить по кабинету. На скулах его спокойного лица играли желваки.

Ходил долго, потом внезапно остановился перед столом, включил в аппарат телевизора звук и вызвал районное управление. Через него соединился с Москвой и попросил к экрану заместителя министра государственной безопасности.

Разговор продолжался долго.

— Ну что же, Дмитрий Александрович, — сказал под конец заместитель министра, — эксперимент ваш одобряю. Но только смотрите: не по пустякам ли вы отрываетесь от более важных

дел? Наблюдение за Карданом мог бы вести и менее ответственный работник. Вот на арктическом строительстве что-то неладное творится.

— Василий Петрович, — глуховатым ровным голосом ответил Комаров, — я чувствую... что за Карданом скрывается что-то очень значительное. Тряхну стариной! А если я вам понадобится для арктического строительства, меня всегда легко отыскать.

— Я верю вашему чутью, Дмитрий Александрович. Оно вас, кажется, никогда не обманывало.

— Благодарю вас, Василий Петрович.

— Ну, прощайте. Желаю успеха.

Комаров выключил аппарат, встал, взял карандаш со стола и, решительными шагами подойдя к большой карте района, висевшей на стене, погрузился в ее изучение.

Глава вторая

Рискованный эксперимент

Ночь в лесу была темная, безлунная. Ветер порывами шумел в вышине, скрипели ветви, шептались листья, словно набегающая на песчаный берег морская волна.

Надвигались тучи. Где-то далеко, тяжело ворочаясь, громыхивал гром.

Прямая дорога была едва заметна в лесу, в темноте, между двумя черными, колеблющимися под ветром стенами деревьев.

Далеко впереди, в облачке света, мерцали красные точки — фонари на электромобиле¹ Паншина.

С потушенными фарами электроциклы² бесшумно бежали вслед. Певуче, чуть слышно гудели под сиденьями моторы, мягко шуршали шины. Ветер свистел в ушах, забивал ноздри ароматом увядающих трав, опавших листьев, предгрозовыми запахами земли.

1 Электромобиль — экипаж, приводимый в движение несколькими электрическими моторами, получающими энергию от электрических аккумуляторов. (Здесь и далее прим. автора.)

2 Электроцикл — мотоцикл, снабженный электромотором.

Словно кончик маленького бича, хлестнула в лицо первая крупная капля.

— Быть грозе, — сказал Комаров вполголоса.

— Не иначе, товарищ майор, — последовало в ответ с соседнего сиденья. — Джим нервничает. Боится без следа остаться...

Собака отозвалась нетерпеливым повизгиванием на свое имя.

Вдруг ослепительно сверкнула молния, осветила небо, землю, лес — и погасла. Тьма на мгновение стала плотной, почти осязаемой. С оглушительным треском разорвалось над головой полотнище неба, с грохотом, непрерывно сталкиваясь, покатились с невидимой горы огромные пустые железные бочки.

Хлынул дождь.

Красные огоньки, чуть видневшиеся впереди, словно сквозь густую мерцающую сетку, вдруг взметнулись кверху, вильнули в сторону и исчезли. Желтоватое световое облако разрослось, перенеслось на другую сторону дороги, и яркий луч облил расплавленной бронзой вынырнувшие из тьмы стволы деревьев.

В облаке света мелькнули какие-то тени.

Сквозь шум грозы издали донесся слабый крик и оборвался. Навалилась тьма, проглотила луч, залила сияющее облако.

— Стоп, Платонов! — отрывисто сказал Комаров и, поднеся ко рту аппарат микрорадио¹, скомандовал: — Лейтенант, стоп! Выгружаться! Ко мне! Выходите с Джимом, старшина!

Через несколько секунд два силуэта смутно возникли в темноте.

— Здесь, товарищ майор, — послышался тихий голос Хинского.

1 Микрорадио — карманная радиопередающая и радиопринимающая установка. Применение ее стало возможным после изобретения весьма компактных электрических аккумуляторов, питающих электрическим током передатчик. Установка микрорадио смонтирована в виде складывающейся микрофонной (телефонной) трубки, сбоку ее прикреплен стержень, который выдвигается (телескопически) вверх, образуя излучающую антенну. Внутри трубки находится аккумулятор; снаружи — диск с поворачивающейся стрелкой, с помощью которой можно менять длину излучаемой и принимаемой радиоволны.

— Вперед! — бросил Комаров.

Четыре человеческие тени молчаливо в потоках низвергающейся воды понеслись по залитой дороге. Впереди, с натянутым, как струна, поводком, бежал старшина, увлекаемый Джимом.

Вдруг поводок ослабел и упал, старшина едва не налетел на окаменевшую в стойке собаку.

— Стой! — глухо произнес старшина.

Поперек дороги неподвижной черной глыбой стояла машина.

Послышался слабый, приглушенный стон.

Комаров бросился к настежь раскрытой дверце электромобиля.

Луч карманного фонарика осветил на полу кабины пограничника, опутанного веревками, с завязанным ртом. Его винтовка валялась рядом.

— Паншин! — глухо воскликнул Комаров, быстро и умело развязывая бойца, в то время как Хинский торопливо освобождал его от кляпа.

— Не ранен? — спросил Комаров.

Боец, молча, словно с трудом приходя в себя, отрицательно покачал головой.

— Оглушен?

— Ударили чем-то... по голове... товарищ майор, — пробормотал Паншин, поднимаясь с помощью Хинского на сиденье.

— Вы сопротивлялись?

— Просил пощады, товарищ майор... — повеселев и усмехаясь, ответил окрепшим голосом Паншин. — Бросил винтовку... Рассмеялись... Один сказал: «Тем лучше». Все получилось так, как вы предсказывали.

— Говорили по-русски?

— По-русски, товарищ майор.

— Сколько их было?

— Кажется, четыре человека. В масках.

— Как остановили машину?

— Веревку протянули поперек дороги. Я ее заметил вовремя... затормозил. Машину занесло...

— Где Кардан?

— Связали и унесли.

— В какую сторону?

— По дороге. К мосту.

Хинский вдруг рванулся внутрь кабины.

— Товарищ майор, записка!

В углу на сиденье белел обрывок бумаги.

Комаров схватил ее, осветил фонарем. На бумажке было написано печатными буквами: «Смерть предателю! Так будет со всеми изменниками!»

Подписи не было.

Комаров помолчал, глядя на записку, погладил подбородок и произнес:

— Очень глупо... Для дурачков писано...

Частой барабанной дробью дождь бил по крыше кузова.

— Сможете довести машину до заставы? — спросил Комаров Паншина, выходя под ливень.

— Вполне, товарищ майор. Я уже оправился.

— Отлично! Товарищ старшина, отдайте ему Джима. Собака бесполезна при такой погоде. Где электроциклы?

— Здесь, товарищ майор, — ответил старшина. — Андреев привел.

— По машинам! — скомандовал Комаров. — Скажите начальнику заставы, товарищ Паншин, чтобы дедушку Павла не трогал, но глаз чтобы с него не спускал. Особенно когда дедушка бредет на солнцепеке. Молод еще, глуп, не сеял круп... Ну, счастливо!

Раскаты грома заглушили последние слова Комарова. Молния на мгновение осветила залитую водою дорогу. Электроциклы полным ходом понеслись сквозь ливень.

— До поста далеко? — спросил сквозь свист ветра Комаров, доставая из футляра, висевшего на груди, инфракрасный ночной бинокль¹.

1 Инфракрасный бинокль. — За красным концом спектра находятся невидимые глазом инфракрасные лучи с длиной волны от 1 мм до 0,76 микрона. Обнаруживаются они главным образом по тепловому действию. Инфракрасный бинокль улавливает эти лучи, преобразуя их в видимые; с помощью этого бинокля можно наблюдать отдаленные предметы ночью.

— Сейчас будет, — ответил старшина.

Он сунул два пальца в рот, тихо свистнул и сбавил ход машины.

У края дороги возникла тень. Электроцикл остановился. Тень приблизилась вплотную. Обозначилась фигура бойца в плаще, с винтовкой.

— По дороге проходили? — спросил Комаров.

— Четверо. Пробежали к мосту. У двоих длинный тюк на плечах.

— Хорошо, — сказал Комаров. — Вперед!

Он поднял к глазам ночной бинокль, долго всматривался в темноту вдоль дороги.

— Ничего не видно, — сказал он.

Через километр из засады вышел боец и доложил тоже:

— Пробежали четверо. С тюком на плечах. К мосту.

Но бинокль все еще ничего не мог уловить.

За мостом дорога раздваивалась. Из густых придорожных кустов при вспышке молнии появился боец в струях стекающей по плащу воды и доложил:

— Только что пробежали пятеро. Сели в ожидавшую машину с потушенными огнями. Ушли по правой дороге. Уловил слова: «Георгий Николаевич, садитесь к шоферу».

— Какая машина? — спросил Комаров.

— Цвета не различил. По форме кузова — тульская, «ТЭМ-146».

Электроциклы были пущены на полную мощность.

Дождь утихал. Гроза уходила. Ветер забивал дыхание. Дорога вырвалась из леса, и сразу посветлело.

— Сколько еще постов впереди, товарищ старшина? — сказал Комаров, не отнимая бинокля от глаз. — Кажется пять?

— Пять, товарищ майор.

— Дорога на станцию?

— На станцию. Другая — в районный центр — осталась слева.

— Ближайший поезд на станции?

— В четыре пятьдесят восемь. На Киев.

— Отлично... Вот и машина! — тихо воскликнул Комаров.

Вдали, в серой мгле, начало сгущаться смутное темное пятно, уносившееся вперед. Еще через несколько минут пятно стало принимать более четкие формы. Блеснули металлические части. В бинокль уже ясно стал виден приземистый, удлинненный кузов преследуемой машины.

Комаров почти лежал грудью на бортике коляски, пристально, до боли в глазах, всматриваясь в силуэт машины сквозь сереющую темноту.

— Так, — сказал он наконец, выпрямляясь и опуская бинокль. — Правильно. «ТЭМ-146». Как фамилия бойца на разветвлении дорог, товарищ старшина?

— Красавин, товарищ майор.

— Заметьте себе: доложите начальнику заставы о его внимательности при исполнении службы.

— Слушаю, товарищ майор.

Комаров достал из кармана аппарат микрорадио, ощупью отвернул нижнюю крышку его плоского футляра — микрофон, вытянул вверх провод-антенну, приложил слуховую трубку к уху и перевел на диске кнопку избирателя на новую позицию.

— Районная шестьдесят четыре?.. «Индеец»... Кто у микрофона?.. Присоедините диктофон... Говорит Комаров... Старший инспектор Главного управления... Двести восемьдесят шесть... Передайте срочно на станцию Вишневецк. К станции идет электромобиль — тульский «ТЭМ-146». Пассажиров пять или шесть. Внимание на коренастом мужчине, широкое, смуглое, скуластое лицо, черные волосы, свисающие на лоб, черные густые усы, тонкий горбатый нос. Следить и за остальными. За «ТЭМ-146» следую я на двух электроциклах вашей погранзаставы. Номера: два нуля девяносто шесть и два нуля девяносто семь. Встретить меня на станции с информацией. Все.

Навстречу, сверкая матовыми огнями, неслась огромная грузовая машина с горою мешков, тюков, ящиков. Мелькнул туманный, расплывчатый силуэт какого-то здания у дороги, за ним другого, третьего. Начинало светлеть. Наступало утро.

Вдали показалась группа строений. Одновременно донесся отдаленный протяжный звук сирены.

— Экспресс Одесса — Киев, — заметил старшина.

— Поспеем ли? — с тревогой спросил Комаров.

— Поспеем. Это сигнал перед поворотом пути за тридцать километров до станции. Поезд еще должен нас обогнать, вон там — справа.

Встречные машины и люди стали попадаться все чаще. Пришлось замедлить скорость. Несколько раз «ТЭМ-146» исчезал из виду, потом вновь показывался, когда электроцикл набирал скорость.

Справа на прояснившемся горизонте появилась стремительно скользящая темная лента. Она шла наперерез электроциклам и «ТЭМ-146».

Станция была уже совсем близко. Но и движение по шоссе становилось все гуще. В бинокль Комаров уловил, как электромобиль ворвался на станционную улицу, продолжавшую шоссе, ловко лавируя между встречными машинами, и скрылся среди них.

— Увеличьте скорость, — произнес Комаров и оглянулся.

Машина Хинского, держась в двухстах метрах, мчалась сзади. Хинский, в штатском платье, как и Комаров, сидел рядом с бойцом-водителем, тоже одетым в штатское. Встречный ветер трепал его черные волосы, и Комарову показалось, что на смуглом худощавом лице молодого лейтенанта сверкнули зубы в широкой улыбке. Губы Комарова чуть тронулись в ответной теплой улыбке. Он вспомнил радость своего юного помощника, когда тот узнал, что майор берет его с собой. Лейтенант впервые участвовал в такой крупной охоте...

Электропоезд стоял у перрона. На выходном семафоре вспыхнул зеленый цвет. «ТЭМ-146» медленно отходил от станционного подъезда.

Электроциклы не успели еще остановиться, как Комаров и Хинский прыгнули на ходу. Они бросились вверх по широкой каменной лестнице в станционное здание.

На верхней ступени стоял человек. Он шагнул им навстречу.

Комаров пробежал мимо него, шепнув одно слово: «Индец».

Человек быстро пошел за майором, говоря вполголоса:

— Третий вагон, пятое купе... Вдвоем... четверо остались...

— Следите за ними! — отрывисто бросил Комаров, выбегая из здания на перрон.

Мимо перрона, набирая скорость, мелькали лакированные вагоны с закрывающимися на ходу створками выходных дверей. Поезд был скоростной, с обтекаемыми формами, без промежутков между вагонами, со скрытыми ступеньками и поручнями.

Когда Комаров подбежал к краю перрона, последний вагон поравнялся с ним. Комаров бросил на него взгляд, полный отчаяния. Потом вдруг пригнулся, одним прыжком влетел в еще одну полуоткрытую дверь вагона и уперся в нее плечом.

В следующее мгновение на него обрушился, едва не сбив с ног, Хинский и обхватил его за плечи. Неся на себе Хинского, Комаров сделал шаг внутрь вагона, отпустил дверь, и она неслышно захлопнулась за ними.

Поезд уже летел по простору полей, мягко покачиваясь и глухо погромыхая на стыках рельсов.

Глава третья Под наблюдением

— ...И я вам определенно говорю, что если бы не ранняя смерть, Красков дал бы неподражаемые вещи! Одна его «Девочка с цветами» чего стоит! А «На физкультурной площадке»? Сколько в этих полотнах изящества, тонкости рисунка! Я не боюсь сказать, что это были лишь первые шаги гения.

— Ну... уж и гения! Вы преувеличиваете, Лев Маркович, — тихо возразил Комаров, поправляя в ухе наконечник гибкой трубки; второй конец ее он плотно прижимал к отверстию трубы из установки для кондиционирования воздуха, пытаясь уловить все звуки, раздававшиеся из разных купе. Это не мешало Комарову поддерживать с Хинским разговор об искусстве.

Когда разговор касался вопросов искусства, особенно живописи, Хинский терял спокойствие и выдержку, которым он так старательно учился у Комарова.

— Уверю вас, Дмитрий Александрович, это был художник огромной силы. Вы просто недостаточно знаете его работы! — горячо доказывал Хинский.

Комаров вдруг предостерегающе поднял руку, наклонил голову к стенке вагона и прислушался.

Вагон, чуть покачиваясь, стремительно несся вперед.

Моторы под полом монотонно жужжали, колеса глухо и мелко постукивали. За плотно закрытым окном, в сумерках засыпающего дня, свиваясь в вихри, уносилась назад придорожная пыль.

Хинский, подавшись вперед, вытянул шею, тоже стал прислушиваться.

Наконец Комаров поднял разочарованное лицо. Он поправил наконечник трубки в ухе, плотнее прижал другой ее конец к отверстию трубы из установки для кондиционирования воздуха и сказал:

— О чем-то разговаривают... Так тихо, что ничего не удалось понять... В каком-то дальнем купе очень громко говорят, забивают... Разобрал только: «Николаев» да «аэродром».

Хинский задумался. Он взял со столика вечернюю поездную газету и, расположившись поудобнее в кресле, начал читать.

Сумерки сгущались.

— В Вознесенске будем в ноль тридцать? — не то спрашивая, не то утверждая, сказал Комаров.

— Да, Дмитрий Александрович.

— Так... Значит, на меридиане Николаева в одиннадцать часов тридцать минут...

Хинский потянулся к выключателю, тихо спросил:

— Свет не помешает?

В темноте угла, куда забился Комаров, он уловил смутное движение его головы.

Свет залил купе. Комаров с опущенными глазами неподвижно сидел у стены.

Молчание длилось долго. Жужжали моторы: колеса что-то быстро и неразборчиво бормотали под полом.

Наконец Комаров вздохнул и поднял глаза.

— Что нового в газете? — тихо спросил он.

— Программа зимнего сезона в Большом театре... Новая опера Харламова... Открытие профессора Курдюмова... Новый способ переливания крови... О!.. Минутку... минутку...

Хинский быстро пробежал несколько строчек.

— Внезапно умер Вишняков... Помните? Дело об искажении георадиограмм на арктическом строительстве... Вот: «В доме предварительной изоляции при загадочных обстоятельствах...», — говорится в сообщении.

У Комарова заблестели глаза.

— Подробностей нет? — спросил он.

— Нет... Вот только, что Вишнякова накануне осматривал врач и что он был совершенно здоров.

— Странно, — задумчиво произнес Комаров. — Внезапные смерти стали у нас редкими. Что бы там могло случиться?

После короткого молчания Хинский сказал:

— С линии Владивосток — Иокогама — Сан-Франциско сняты океанские электроходы «Карелия», «Днепр» и «Щорс», а с линии Ленинград — Лондон — Нью-Йорк — электроходы «Десна», «Полтава» и «Дон». Все переданы ВАРу для ускорения его морских перевозок...

— Да, там какие-то затруднения с перевозками, — заметил Комаров. — Еще перед отъездом из Москвы я слышал об этом. Какая-то путаница, неразбериха. При таком огромном, мощном флоте, какой имеется в их распоряжении... Можно подумать, что Катулин разучился вести большие дела...

Хинский перебил его:

— Большое дело... Это не то слово! Великое! Грандиозное! Я уж и не знаю, какой эпитет здесь подыскать... Второй год идет строительство, четвертый год оно волнует весь Советский Союз, весь мир, а я все не могу свыкнуться с ним, хладнокровно говорить о нем. Подумать только — переделать Арктику! Дух захватывает при одной мысли об этом! Нет, Лавров положительно гений! И ни разу мне не удалось побывать там...

— Все это верно, — медленно сказал Комаров, погруженный в свои мысли. — Боюсь только, не исполнится ли ваше желание раньше, чем вы думаете... не назревает ли и там для нас работа...

— Вы думаете? — живо спросил Хинский. — Почему?

— Слишком большие страсти разгорелись вокруг этого строительства. Слишком много мировых враждебных сил оно привело в движение.

Комаров помолчал и снова тихо заговорил:

— Мне не нравится это дело Вишнякова... И его странная смерть... И вся эта путаница в делах строительства. Это не похоже на Катулина.

На большом матовом экране над дверью вспыхнула зеленая надпись: «В вагоне-ресторане ужин с 21 часа до 24 часов. Меню...» Следовал длинный список блюд, закусок и напитков.

Надпись продержалась на экране минут пять, погасла, на ее месте вспыхнула новая: «В концертном вагон-зале с 22 часов телевизио-тонпередача: «Отелло» Шекспира со сцены Ленинградского Большого драматического театра. В ролях: Отелло — Беркутов, Дездемона — Королева, Яго — Сикорский».

Комаров показал головой на дверь.

— Проследите, держите связь... — тихо сказал он. Хинский отложил газету, встал, осмотрел себя в зеркале и, поправив галстук, вышел из купе.

В узком коридоре двое людей оживленно разговаривали, третий стоял у окна и смотрел в темноту на двигавшиеся по полю яркие огни. Очевидно, электрокомбайны спешно заканчивали уборку второго урожая пшеницы-скороспелки.

Хинский тоже стал у окна перед дверью соседнего купе.

Вскоре дверь отодвинулась, вышел широкоплечий, невысокого роста человек со светлыми, зачесанными назад волосами, с длинным бритым лицом и быстро закрыл купе за собой. Но за это короткое мгновение Хинский, оглянувшись, успел заметить в купе человека с черными усами. Он лежал на диване и читал газету. Пассажир, вышедший в коридор, быстро, но незаметно осмотрелся и спокойно направился к выходу из вагона.

Прильнув к окну и прикрыв рукой глаза от бокового света из коридора, Хинский, казалось, целиком ушел в наблюдение за ночной жизнью на поле.

Спустя минуту он последовал за неизвестным.

На герметически закрытых переходных площадках сильно покачивало, стук колес и гул моторов звучали ясней. Хинский быстро прошел два вагона, не выпуская из виду широкой спины незнакомца, одетого в светло-коричневый костюм.

Вагон-ресторан был ярко освещен, пестрел букетами цветов на столиках, сверкал белизной скатертей, стеклом и металлом

столовых приборов. Сквозь хрустально чистое стекло внутренней входной двери среди нарядно одетых, оживленных людей Хинский увидел незнакомца, уже усаживающегося за столы.

Вдоль наружных стен вагона, над столиками, тянулась четырехугольная труба из черной лакированной пластмассы. Над каждым столиком в стенку трубы была вделана дощечка с разноцветными кнопками и цифрами против них.

Незнакомец посмотрел на меню, повернулся к дощечке и нажал несколько кнопок. Потом взял газету, откинулся на спинку кресла и начал читать.

Убедившись, что незнакомец основательно уселся, Хинский оглянулся. В узком коридорчике, где он стоял, справа была дверь с надписью: «Туалет». Хинский быстро вошел в это купе и запер дверь за собой. Вынув карманный радиотелефон, он раскрыл его, настроил аппарат на волну Комарова. Через минуту послышался тихий ответный гудок.

Хинский почти шепотом произнес над микрофоном: — «Индеец» и «Лев»... Да, это я... Основной остался, спутник в вагон-ресторане... Да... Понимаю... До конца? Хорошо... Но вряд ли... Они разойдутся... Слушаю...

Хинский спрятал аппарат в карман и, выйдя из кабины, направился в ресторан. Здесь он незаметно прошел к столику в дальнем углу.

В этот момент в трубе над столиком незнакомца раздался тихий звонок, в ней раскрылась незаметная до того дверца. В отверстии показались две конвейерные ленты: одна, верхняя, с использованной посудой, непрерывно двигалась; другая, с горкой хлеба на тарелке, была неподвижна. Незнакомец снял тарелку, лента продвинулась по трубе немного дальше и опять остановилась: показалась стопка из нескольких тарелок, набор ложек, вилок, ножей, соусники. Затем на продвигающейся постепенно ленте показались один за другим крытые судки с блюдами. Незнакомец снял их и принялся за ужин. Он был, очевидно, голоден, если судить по количеству заказанных блюд и по той поспешности, с которой он начал есть.

«Еще бы! С утра не ел...», — сочувственно подумал Хинский. Хинский был тоже голоден и заказал себе скромный ужин.

Стрелка на больших настенных часах приближалась уже к двадцати трем часам. Хинский, покончив с ужином, поставил использованную посуду на верхнюю ленту конвейера и принялся за фрукты. Наконец незнакомец встал и, постояв минуту, словно в нерешительности, направился в концертный вагон-зал. Через некоторое время вошел туда и Хинский.

В зале было темно, на ярко освещенном большом экране демонстрировалась сцена ленинградского театра. Отелло разговаривал с Яго, волновался, негодовал, уже отравленный ядом подозрений. Зрители с напряженным вниманием следили за великолепной игрой Беркутова и Сикорского.

Уже кончался третий акт, когда Хинский обратил внимание на то, что поезд замедляет движение.

«Подъем, что ли?» — подумал Хинский, но сейчас же отбросил эту мысль: для экспресса, шедшего со скоростью в сто пятьдесят километров в час, подъемов, замедлявших эту скорость, не существовало. Однако поезд шел все тише. В зал доносились частые приглушенные звуки сирены.

«Шестьдесят... сорок километров в час...», — с нарастающим беспокойством определял Хинский скорость, прислушиваясь к стуку колес.

Он оглянулся и шепотом спросил соседа:

— В чем дело, товарищ? Не знаете ли, почему поезд замедляет движение?

— Третий день ремонт пути... — вежливо ответил тот, не сводя глаз с экрана.

В этот момент мимо окон с обеих сторон вагона медленно проплыли назад несколько красных предостерегающих огней.

Хинский успокоился и, убедившись, что незнакомец на месте, обратился к экрану. Минут через пять поезд начал вновь набирать ход и, словно наверстывая потерянное время, с ускоренной быстротой понесся во тьме.

В начале первого, за полчаса до Вознесенска, экран потух, в зале загорелся свет, и зрители начали расходиться.

Не теряя из виду незнакомца, Хинский быстро прошел за ним в свой вагон. Когда человек скрылся в купе, молодой лейтенант отодвинул свою дверь и глухо вскрикнул.

Купе было пусто, Комаров исчез.

В открытое, вопреки всем правилам, окно со свистом врывался ветер, трепля оконные занавески и внося с собой клубы пыли, подхваченный с дороги мусор и песок. Полотенца, салфетка и вазочка с цветами валялись на полу. Пыль облаком стояла в воздухе, свет электрической лампы едва пробивался сквозь нее; трудно было дышать.

Машинально закрыв за собой дверь, Хинский некоторое время стоял посреди купе, растерянно оглядываясь и силясь что-нибудь понять. Наконец он медленно подошел к окну, поднял его и повернул рычажок герметизации. Потом он пустил вытяжной вентилятор, усилив подачу чистого воздуха из установки кондиционирования. Мозг лихорадочно работал, густые черные брови совсем сошлись на переносице.

«Что случилось? Куда он девался? Может быть, просто вышел, сейчас вернется? Но окно!..»

Он внимательно осмотрел только что повернутый на раме окна рычажок. Нет... он действует исправно. Окно было кем-то опущено. Но это категорически воспрещается правилами для пассажиров, чтобы не загрязнять чистый, свежий воздух, который подается в вагоны установками кондиционирования. Значит, что-то очень важное заставило Комарова нарушить эти правила. Комаров не такой человек, чтобы делать что-либо зря... Да... но куда же он девался? Выскочил поспешно из купе, не успев закрыть окно?

Вдруг новая неожиданная мысль кольнула сердце.

Нападение! Его выбросили в окно!

Хинский быстро оглянулся. Нет... Не видно никаких следов борьбы... Комарова голыми руками не возьмешь... Наконец, был бы шум... Сбежался бы народ...

Хинский немного успокоился, но все же подошел к окну, внимательно и пристально рассматривая столик под окном, нижнюю часть оконной рамы, место, где сидел Комаров, в углу дивана у наружной стенки.

Ничего подозрительного под ровным слоем все покрывавшей пыли.

Да! Салфетка! На столике была салфетка!

Содержание

Изгнание владыки. Роман

Часть I

Глава первая. Перебежчик	7
Глава вторая. Рискованный эксперимент	15
Глава третья. Под наблюдением	22
Глава четвертая. Прыжок в ночь	35
Глава пятая. Неожиданная встреча	45
Глава шестая. Несколько лет назад	54
Глава седьмая. Детство и юность Лаврова	63
Глава восьмая. Первый набросок	68
Глава девятая. Как рождаются враги	76
Глава десятая. События разворачиваются	81
Глава одиннадцатая. Всенародная дискуссия	84
Глава двенадцатая. Посевы	92
Глава тринадцатая. Посевы (<i>Продолжение</i>)	100
Глава четырнадцатая. Планы	104
Глава пятнадцатая. Первые шаги	114
Глава шестнадцатая. Первая плита в фундаменте	118

Часть III

Глава семнадцатая. На заводе	124
Глава восемнадцатая. На корабле	137
Глава девятнадцатая. На дне океана	146

Глава двадцатая. В недрах земли	154
Глава двадцать первая. Путаница	167
Глава двадцать вторая. Внезапное решение	175
Глава двадцать третья. Первые следы	183
Глава двадцать четвертая. У ворот Арктики	189
Глава двадцать пятая. На «Чапаеве»	197
Глава двадцать шестая. Новый друг	202
Глава двадцать седьмая. В борьбе со льдом	210
Глава двадцать восьмая. Ночью в пургу	220
Глава двадцать девятая. Одни на льдине	233

Часть III

Глава тридцатая. Чутьем по следу	244
Глава тридцать первая. Дни горя и радостных удач	254
Глава тридцать вторая. Многозначительный разговор	266
Глава тридцать третья. В межшахтном тоннеле	271
Глава тридцать четвертая. Враг из недр	280
Глава тридцать пятая. Борьба с лавой	291
Глава тридцать шестая. Предательский удар	299
Глава тридцать седьмая. Первый день на льдине	304
Глава тридцать восьмая. Необходимые приготовления	315
Глава тридцать девятая. Любовь и преданность	322
Глава сороковая. Дима исчез	331
Глава сорок первая. Лыжи убежали	339
Глава сорок вторая. Битва	346
Глава сорок третья. Вечное, неповторимое... ..	355
Глава сорок четвертая. Последний день на льдине	361

Часть IV

Глава сорок пятая. Путешествие под водой	373
Глава сорок шестая. В шахте № 6	380

Глава сорок седьмая. Долгожданные встречи	387
Глава сорок восьмая.	
Долгожданные встречи (<i>Продолжение</i>)	396
Глава сорок девятая. Первые разговоры	408
Глава пятидесятая. Совещание трех	417
Глава пятьдесят первая. Смерть на посту	428
Глава пятьдесят вторая. Открытие трассы	439
Эпилог	454

Рассказы

Завоевание недр	467
Кораблекрушение на Ангаре	508
Пути будущего	552